

МУНГАЛОВ Константин Александрович,
аспирант,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ЛИПИНСКИЙ Дмитрий Анатольевич,
профессор, доктор юридических наук,
ФГАУ ВО «МАУ», Мурманск, Россия,
e-mail: mungalovka@yandex.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ КАК ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ИЗМЕНЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье исследуется фактическая основа динамики охранительных правоотношений юридической ответственности. Цель работы - установить, какие группы юридических фактов реально управляют возникновением, изменением и прекращением этих правоотношений в российской правоприменительной практике 2020–2024 гг., и предложить модель, объясняющую расхождение между доктринальной формулой «правонарушение - единственное основание ответственности» и статистически фиксируемым поведением судов. Эмпирическую базу составили обзоры судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2023 и 2024 гг. (совокупность - 640,8 тыс. лиц, в отношении которых в 2024 г. вступили в законную силу судебные акты по существу обвинения). Применены формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический и структурно-функциональный методы. Установлено, что доля правопрекращающих фактов, не связанных с реабилитацией, составила в 2024 г. 18,5 % от общего числа лиц по вступившим в силу судебным актам, а у мировых судей примирение с потерпевшим охватило 44,1 тыс. лиц, или 70,0 % всех прекращений. Предложена трёхуровневая модель фактического основания ответственности, разграничивающая нормативно-фактическую предпосылку, материальный факт-правонарушение и процессуальный правоприменительный акт. Показано, что процессуальный уровень выполняет не удостоверяющую, а конституирующую функцию, что позволяет по-новому объяснить конструкции освобождения от ответственности, судебного штрафа и досрочного прекращения полномочий судьи..

Ключевые слова: юридический факт; юридический состав; юридическая ответственность; охранительное правоотношение; правопрекращающие факты; освобождение от ответственности; судебная статистика; правоприменительный акт.

MUNGALOV Konstantin Alexandrovich,
Postgraduate Student

Academic Supervisor:
LIPINSKY Dmitry Anatolyevich,
Professor, Doctor of Legal Sciences,
MAU (Murmansk Arctic University), Murmansk, Russia

LEGAL FACTS AS GROUNDS FOR THE ORIGIN, MODIFICATION, AND TERMINATION OF LEGAL RELATIONS INVOLVING LEGAL LIABILITY

Annotation. The article examines the factual basis underlying the dynamics of protective legal relations involving legal liability. The study aims to identify which groups of legal facts actually govern the origin, modification, and termination of these legal relations within Russian law enforcement practice from 2020 to 2024. It also proposes a model to explain the discrepancy between the doctrinal formula stating that «an offense is the sole ground for liability» and the behavior of courts as reflected in statistical data. The empirical basis consists of judicial statistics reviews from the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation for 2023 and 2024 (covering a total of 640.8 thousand individuals subject to court rulings on the merits of the charges that entered into legal force in 2024). Formal-legal, comparative-legal, statistical, and structural-functional methods were employed. The study found that in 2024, facts terminating legal relations—excluding those related to rehabilitation—accounted for 18.5% of the total number of individuals subject to court rulings that had entered into legal force; furthermore, regarding cases heard by magistrates, reconciliation

with the victim involved 44.1 thousand individuals, representing 70.0% of all case terminations. A three-level model of the factual basis of liability is proposed, distinguishing between the normative-factual premise, the substantive fact constituting the offense, and the procedural act of law application. It is demonstrated that the procedural level performs a constitutive rather than a merely certifying function; this allows for a novel explanation of the legal constructs of exemption from liability, judicial fines, and the early termination of a judge's tenure.

Key words: *legal fact; composite legal fact; legal liability; protective legal relationship; facts terminating legal relations; exemption from liability; judicial statistics; act of law application.*

Введение

Вопрос о том, что именно приводит в движение правоотношение юридической ответственности, в отечественной теории права до сих пор решается через формулу, сложившуюся ещё в 1960-е гг.: единственным основанием ответственности признаётся правонарушение, а всё остальное относится к «условиям» либо «порядку» её реализации. Между тем практика последних пяти лет эту формулу опровергает арифметически. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 г. судебные акты по существу обвинения вступили в законную силу в отношении 640,8 тыс. лиц, при этом обвинительными приговорами завершились дела лишь 512,8 тыс. лиц (80,0 %), а в отношении 118,8 тыс. лиц (18,5 %) производство прекращено по нереабилитирующим основаниям [11]. Иначе говоря, почти каждое пятое установленное правонарушение не порождает полноценного правоотношения ответственности - его развитие пресекается иным юридическим фактом.

Проблема, вокруг которой строится настоящее исследование, формулируется так: доктринальная модель фактического основания ответственности является одноуровневой (правонарушение), тогда как механизм её возникновения, изменения и прекращения фактически трёхуровневый и включает нормативную предпосылку, материальный факт и процессуальный акт. Такое расхождение не сводится к терминологическому спору. Оно определяет, с какого момента лицо считается несущим ответственность, какие обстоятельства способны изменить объём претерпеваемых лишений и в какой момент охранительная связь прекращается.

Цель работы - выявить и систематизировать юридические факты, обуславливающие динамику правоотношений юридической ответственности, на основе анализа доктрины 2020–2025 гг. и статистики судебной практики 2020–2024 гг.

Достижение цели потребовало решения пяти задач: 1) разграничить понятия «основание ответственности», «юридический факт» и «юридический состав» применительно к охранительным отношениям; 2) описать правообразующие факты и показать роль правоприменительного акта; 3) выделить группу правоизменяющих фактов, влияющих на объём ответственности; 4) провести количественный анализ правопрекращающих фактов по данным за 2020, 2023 и 2024 гг.; 5) проверить работоспособность предлагаемой модели на ма-

териале уголовной, административной, налоговой и дисциплинарной ответственности.

Обзор литературы показывает заметный сдвиг исследовательского интереса. Фундаментальная работа П. П. Серкова объёмом свыше 1500 страниц перевела обсуждение правоотношения в плоскость его внутренней «жизни» и механизма движения, отказавшись от статичного описания структуры [1]. Н. Н. Цуканов, оценивая эту монографию, обратил внимание на философско-правовую направленность исследования и на перспективы практического использования его выводов, но одновременно указал на дискуссионность ряда положений [2, с. 90–99]. Такая оценка показательна: даже развёрнутая теория правоотношения не даёт готового ответа на вопрос о фактическом составе ответственности.

Отдельную линию образуют работы, посвящённые собственно юридическому факту. Н. А. Плахтий исследовал соотношение юридического факта и случая, показав, что категория казуса не поглощается традиционной дихотомией «событие - действие» [6]. В. Б. Исаков, чьи разработки 1980-х гг. остаются базовыми, в новом издании учебного курса 2023 г. сохраняет деление фактов по волевому признаку и последствиям, но уже с оговоркой о возрастающей роли фактических составов [7, с. 455–476]. Обратимся к работам отраслевого уровня: И. В. Глазунова и А. В. Никитина рассматривают досрочное прекращение полномочий судьи как меру юридической ответственности и фиксируют, что фактическое основание здесь распадается на дисциплинарный проступок и решение квалификационной коллегии судей [3, с. 126–135]. И. А. Васильев, анализируя дисциплинарную практику УЕФА, приходит к выводу, что санкция не может иметь исключительно карательный эффект при отсутствии вины субъекта, - этот тезис прямо затрагивает вопрос о достаточности объективного факта для возникновения ответственности [4, с. 93–102]. В. М. Зарипов, разбирая экономическое основание налога, демонстрирует, что даже в фискальной сфере «основание» понимается не как единичное обстоятельство, а как совокупность экономико-правовых предпосылок [5, с. 54–63].

Коллектив авторов под редакцией Т. В. Лету-та исследовал влияние цифровизации на институт ответственности, зафиксировав появление фактов, возникающих в автоматизированной среде без непосредственного участия человека [8]. М. Х. Мазукабзова, обобщая практику административ-

ного наказания, обращает внимание на малозначительность как обстоятельство, влияющее временно на квалификацию деяния, вид и размер наказания [9, с. 402–404].

Что осталось за пределами перечисленных работ? Ни одна из них не связывает доктринальную конструкцию фактического основания с измеримыми показателями правоприменения. Между тем именно статистика позволяет проверить, какие факты действительно управляют охранительным отношением, а какие остаются теоретической фигурой. Восполнение этого пробела и составляет научную новизну настоящей статьи.

Методы

Исследование построено на сочетании доктринального анализа и количественной обработки официальной судебной статистики. Работа выполнялась в четыре этапа.

Первый этап - формирование источниковой базы. Отбор научных публикаций проводился по критериям: год издания 2020–2025, наличие DOI либо устойчивого URL, индексация в РИНЦ или включение журнала в перечень ВАК, прямое соответствие тематике фактических оснований ответственности. Из первоначально просмотренных публикаций в итоговый список включены 9 доктринальных источников, включая две монографии и главу учебного курса. Нормативную часть базы образуют шесть кодифицированных и специальных актов, а также два постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Второй этап - статистическая выборка. Генеральную совокупность образуют лица, в отношении которых по результатам уголовного судопроизводства вступили в законную силу судебные акты по существу обвинения: 721,5 тыс. лиц в 2020 г., 697,4 тыс. в 2023 г. и 640,8 тыс. в 2024 г. [11; 12]. Источником послужили обзоры судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 и 2024 гг., подготовленные Судебным департаментом при Верховном Суде РФ на основе сводных отчетов по формам № 1, № 6, № 8, № 10. Существенное методологическое ограничение оговорено в самом источнике: анализ по форме № 1 проведен по всем судам общей юрисдикции Российской Федерации, не включая сведения по новым субъектам Российской Федерации [11]. Соответственно, все приводимые далее абсолютные значения сопоставимы между собой, но не тождественны показателям, охватывающим территорию страны целиком.

Третий этап - операционализация теоретических понятий через статистические показатели. Каждой группе юридических фактов поставлен в соответствие наблюдаемый индикатор. Правообразующим фактам соответствует число лиц, в отношении которых вынесены обвинительные приговоры; правоизменяющим - число лиц, освобожденных от наказания, а также осужденных,

имевших неснятую или непогашенную судимость; правопрекращающим - число лиц, дела которых прекращены по нереабилитирующим основаниям, и число лиц, освобожденных от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Такой приём даёт возможность перевести качественную классификацию в проверяемые числовые ряды.

Четвёртый этап - верификация. Каждый числовой показатель сверялся по двум точкам ряда (2020 и 2023 гг. против 2024 г.), а при расхождении абсолютных и относительных величин предпочтение отдавалось абсолютным значениям с указанием базы сравнения. Приросты и снижения рассчитывались как отношение показателя отчётного года к показателю базисного, что оговаривается в тексте всякий раз при использовании глаголов динамики. Данные, приводимые в обзоре в округлённом виде («более 0,4 тыс.», «менее 0,3 тыс.»), в расчётах не использовались.

Ограничения метода очевидны и признаются автором. Судебная статистика фиксирует результат правоприменения, но не мотивы правоприменителя; она не позволяет отделить случаи, когда прекращение дела было обусловлено действительным примирением, от случаев процессуальной экономии. Кроме того, показатели административной ответственности юридических лиц и данные о дисциплинарной практике квалификационных коллегий судей приводятся в обзорах в агрегированном виде, что исключает их корректное сопоставление с уголовно-правовыми рядами. Поэтому выводы по этим сегментам носят иллюстративный характер и опираются преимущественно на доктринальные источники [3; 4].

Результаты и обсуждение

1. Основание ответственности и юридический факт: разграничение понятий

Термины «основание ответственности» и «юридический факт» в литературе нередко употребляются как взаимозаменяемые, хотя объёмы их не совпадают. Юридический факт - обстоятельство реальной действительности, с которым норма связывает наступление правовых последствий. Основание ответственности - достаточный повод для возложения на лицо дополнительных обременений. Первое понятие описывает элемент механизма, второе - его результат. В. Б. Исаков в главе о юридических фактах прямо указывает, что большинство отношений возникает не из единичного факта, а из фактического состава, то есть системы обстоятельств, каждое из которых само по себе последствий не порождает [7, с. 455–476].

Применительно к ответственности этот тезис приобретает конкретное содержание. Правонарушение, взятое изолированно, создаёт лишь материальную предпосылку. Ни один субъект не претерпевает лишения в силу самого факта совершения деяния: между деянием и лишениями всегда стоит акт компетентного органа. Н. А. Плахтий,

анализируя соотношение юридического факта и случая, приходит к сходному выводу - правовой инструмент запускает динамику отношения лишь тогда, когда обстоятельство реально наступило и признано нормой в качестве основания [6]. Признание нормой и признание правоприменителем - две разные операции, и смешение их порождает известную путаницу в вопросе о моменте возникновения ответственности.

Предлагаемая модель различает три уровня фактического основания. Нормативно-фактическая предпосылка - действующая норма, устанавливающая запрет и санкцию, а также правосубъектность лица (возраст, вменяемость, специальный статус). Материальный факт - само правонарушение как совокупность признаков состава. Процессуальный факт - вступивший в законную силу правоприменительный акт, персонализирующий обязанность претерпеть лишения. Первый уровень образует условие, второй - повод, третий - момент возникновения.

Такое разграничение не является чисто умозрительным. Оно объясняет, почему законодатель связывает целый ряд последствий именно с третьим уровнем. Судимость возникает не с момента совершения преступления, а со дня вступления приговора в законную силу; админи-

стративное наказание считается исполненным по истечении года со дня окончания исполнения постановления; срок давности привлечения к ответственности прекращает течь в момент вынесения решения, а не в момент выявления деяния. Все три конструкции немыслимы при одноуровневом понимании основания.

Возражение против такой позиции известно: если ответственность возникает только с актом правоприменения, то оправдание невиновного оказывается не восстановлением справедливости, а простым отказом от возложения ответственности. Возражение снимается указанием на разную природу уровней. Материальный факт создаёт правовое состояние подозреваемого или обвиняемого, порождающее собственный набор прав и обязанностей; охранительное же отношение ответственности в узком смысле возникает позднее. Оправдательный приговор прекращает первое состояние и не допускает возникновения второго.

2. Правообразующие факты и статистика их реализации

Обратимся к данным. Динамика правообразующих фактов за пятилетний период выглядит однонаправленной, но неравномерной по составляющим.

Таблица 1. Динамика фактических оснований уголовной ответственности в 2020–2024 гг. Составлено по: [11; 12]

Показатель (число лиц)	2020 г.	2023 г.	2024 г.	2024 к 2020, %
Судебные акты по существу обвинения, вступившие в силу	721,5 тыс.	697,4 тыс.	640,8 тыс.	– 11,2
Обвинительные приговоры, вступившие в силу	531,0 тыс.	555,7 тыс.	512,8 тыс.	– 3,4
Прекращение по нереабилитирующим основаниям	180,8 тыс.	132,2 тыс.	118,8 тыс.	– 34,3
Оправдание и прекращение по реабилитирующим основаниям	2,6 тыс.	1,7 тыс.	1,6 тыс.	– 37,6
Удельный вес осуждённых, %	73,6	79,7	80,0	+6,4 п.п.

Первое наблюдение касается расхождения темпов. Общее число лиц, прошедших через судебную оценку по существу обвинения, снизилось за пять лет на 11,2 %, тогда как число обвинительных приговоров - всего на 3,4 % [11]. Сокращение произошло преимущественно за счёт нереабилитирующих прекращений, потерявших треть объёма. Удельный вес осуждённых вырос с 73,6 до 80,0 %. Это означает, что фильтрация фактических оснований сместилась: суды всё реже пресекают развитие охранительного отношения и всё чаще

доводят его до стадии возложения наказания.

Второе наблюдение связано с оправданием. Число оправданных и лиц, дела которых прекращены по реабилитирующим основаниям, сократилось на 37,6 % - с 2,6 тыс. до 1,6 тыс., при этом их удельный вес снизился незначительно, с 0,4 до 0,3 % [11]. Показатель ниже статистической погрешности любого социального измерения. Отсюда вытекает практический вывод: в российской модели уголовного процесса материальный факт правонарушения, будучи однажды зафиксирован

органом расследования и принят судом к рассмотрению по существу, почти всегда трансформируется в правообразующий факт ответственности. Процессуальный уровень выполняет функцию не столько проверки, сколько удостоверения - за исключением сегмента дел частного обвинения, где картина принципиально иная.

Именно этот сегмент даёт контрольную точку. У мировых судей в 2024 г. оправдано 0,6 тыс. лиц, из которых более 0,4 тыс., или 79,1 % от общего числа оправданных, приходится на дела частного обвинения, принятые к производству по заявлениям граждан [11]. Там, где обвинение не поддержано государственным аппаратом, вероятность непризнания материального факта правообразующим возрастает на порядок. Данное наблюдение подтверждает тезис о конституирующей, а не удостоверяющей роли процессуального акта: содержание акта зависит не только от деяния, но и от процессуальной конфигурации, в которой деяние оценивается.

Отдельного комментария заслуживает возрастная и социальная структура правообразующих фактов. В 2024 г. 57,6 % осуждённых (295,5 тыс. лиц) составили трудоспособные лица без определённых занятий, тогда как в 2020 г. эта доля достигала 65,1 % [11]. Доля лиц, занимавшихся предпринимательской деятельностью, выросла с 1,5 % в 2020 г. до 2,3 % в 2024 г., а абсолютное число таких осуждённых увеличилось с 8,2 тыс. до 12,0 тыс., то есть на 45,8 % [11]. Число осуждённых за преступления в сфере компьютерной информации (ст. 272–274.1 УК РФ) выросло со 137 лиц в 2020 г. до 380 лиц в 2024 г., в 2,8 раза [11]. Последняя цифра корреспондирует наблюдениям авторов монографии под редакцией Т. В. Летута о формировании нового класса фактов, возникающих в цифровой среде [8]. Правда, абсолютные величины пока не позволяют говорить о качественном сдвиге: 380 лиц - это 0,1 % общей структуры судимости.

3. Правоизменяющие факты: механизм корректировки объёма ответственности

Правоизменяющие факты в теории описываются скупо, а на практике встречаются постоянно. Их особенность в том, что они не создают и не прекращают охранительное отношение, но меняют его содержание - объём претерпеваемых лишений, вид наказания, порядок его отбывания.

Наиболее массовый правоизменяющий факт - рецидив. В 2024 г. 186,1 тыс. лиц (36,3 % осуждённых) имели на момент совершения преступления неснятую или непогашенную судимость; в 2020 г. таких лиц было 212,1 тыс. (39,9 %), в 2023 г. - 216,5 тыс. (39,0 %) [11]. Снижение абсолютного числа на 12,2 % за пять лет сопровождалось снижением доли на 3,6 процентных пункта. Предшествующая судимость - классический пример факта, который сам по себе не порождает нового охранительного отношения, но изменяет параметры возникающе-

го.

Второй по значимости правоизменяющий факт - состояние опьянения. Судами установлено, что в 2024 г. преступления в состоянии алкогольного опьянения совершили 111,9 тыс. лиц против 163,1 тыс. в 2020 г. и 132,3 тыс. в 2023 г., то есть снижение к базисному году составило 31,4 % [11]. Показатель по наркотическому и иному опьянению остаётся стабильным на уровне 0,7 % (3,5 тыс. лиц в 2020 г., 3,7 тыс. в 2024 г.). Различие в динамике двух рядов заслуживает внимания: алкогольный фактор в структуре судимости отстает почти на треть, наркотический удерживается неизменным.

Третья группа - процессуальные правоизменяющие факты, к которым относится согласие обвиняемого с предъявленным обвинением и досудебное соглашение о сотрудничестве. В районных судах в 2024 г. окончено 149,3 тыс. уголовных дел в особом порядке против 171,8 тыс. в 2023 г.; при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве рассмотрено 2,2 тыс. дел, осуждено 2,1 тыс. лиц [11]. Здесь юридический факт создаётся волеизъявлением самого субъекта ответственности - обстоятельство, плохо укладывающееся в традиционную схему, где воля правонарушителя учитывается лишь при установлении вины.

Четвёртая группа - факты, влекущие освобождение от наказания при сохранении осуждения. Доля таких лиц выросла с 1,2 % в 2020 г. (6,5 тыс. лиц) до 3,0 % в 2024 г. (15,4 тыс. лиц), то есть в 2,4 раза [11]. Среди несовершеннолетних показатель поднялся ещё заметнее: с 9,3 % (1,4 тыс. лиц) в 2020 г. до 16,5 % (2,0 тыс. лиц) в 2024 г. [11]. Освобождение от наказания - юридический факт, прекращающий обязанность претерпеть лишения, но не прекращающий состояние осуждённости. Одноуровневая доктринальная модель эту конструкцию описать не в состоянии; трёхуровневая объясняет её как прекращение отношения на третьем уровне при сохранении второго.

Изменения касаются и структуры назначаемых наказаний, что косвенно свидетельствует о смене подхода к оценке правоизменяющих обстоятельств. Число осуждённых к условному лишению свободы снизилось со 147,8 тыс. в 2020 г. до 112,2 тыс. в 2024 г. (- 24,1 %), тогда как штраф в качестве основного наказания назначен 78,9 тыс. лиц против 61,7 тыс. в 2020 г. (+27,8 %) [11]. К обязательным работам осуждено 64,7 тыс. лиц против 92,6 тыс. в 2020 г. (- 30,1 %). Замещение условного осуждения имущественной санкцией меняет саму природу претерпеваемого лишения - от ограничения свободы поведения к умалению имущественной сферы.

4. Правопрекращающие факты: количественный анализ

Насколько велика роль обстоятельств, обрывающих охранительное отношение? Ответ на этот вопрос даёт наиболее показательные результаты исследования.

Таблица 2. Структура правопрекращающих фактов в 2024 г. Доли рассчитаны от разных баз: строки 1, 4, 5 - от числа лиц по вступившим в силу судебным актам (640,8 тыс.); строка 2 - от числа лиц по окончанным делам у мировых судей; строка 3 - от числа лиц, дела которых прекращены мировыми судьями. Составлено по: [11]

Группа правопрекращающих фактов	2024 г., число лиц	Доля, %
Прекращение по нереабилитирующим основаниям (все суды)	118,8 тыс.	18,5
Прекращение мировыми судьями по иным основаниям	63,1 тыс.	40,2
в том числе примирение с потерпевшим	44,1 тыс.	70,0
Освобождение от наказания по приговору	15,4 тыс.	3,0
Оправдание и реабилитирующее прекращение	1,6 тыс.	0,3

У мировых судей соотношение между правообразующими и правопрекращающими фактами практически равновесно. Приговорами завершились 91,1 тыс. уголовных дел, или 55,1 % от числа окончанных производством, а с прекращением производства - 63,0 тыс. дел, или 38,1 % [11]. По числу лиц картина ещё выразительнее: осуждено 90,9 тыс. лиц, прекращено производство по иным основаниям в отношении 63,1 тыс. лиц, то есть 40,2 % от общего числа лиц по окончанным делам. Из них 44,1 тыс. лиц, или 70,0 %, приходится на примирение с потерпевшим [11].

Примирение - юридический факт особого рода. Это двусторонний волевой акт, участниками которого выступают лица, не обладающие властными полномочиями, но чьё соглашение влечёт прекращение публичного охранительного отношения. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 закрепляет условия применения соответствующих норм, включая порядок рассмотрения ходатайств о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа [19]. Практика показывает, что этот механизм у мировых судей стал основным способом завершения охранительного отношения без возложения наказания.

Судебный штраф образует ещё одну конструкцию, плохо совместимую с классической дихотомией. В районные суды в 2024 г. поступило 1,8 тыс. дел без обвинения, с ходатайствами о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, что составило 0,4 % структуры поступивших дел; в 2023 г. - 2,3 тыс. дел при той же доле [11]. Кроме того, менее 0,3 тыс. дел возвращено органам предварительного расследования с отказом в удовлетворении подобных ходатайств [11]. Судебный штраф прекращает уголовно-правовое отношение и одновременно порождает новое - обязанность уплатить денежную сумму под угрозой возобновления производства. Перед нами не прекращение, а трансформация охранительной

связи, для которой в существующей классификации нет отдельной рубрики.

Ещё одна группа правопрекращающих обстоятельств связана с событиями, не зависящими от воли участников. В апелляционной инстанции в 2024 г. обвинительные приговоры районных судов отменены в отношении 6,6 тыс. лиц, из них в отношении 236 лиц - в связи со смертью, примирением с потерпевшим либо деятельным раскаянием; авторы обзора прямо оговаривают, что такие отмены не влияют на оценку качества приговоров судов первой инстанции [11]. У мировых судей аналогичный показатель составил более 0,1 тыс. лиц, или 7,8 % от числа отменённых приговоров [11]. Статистическое ведомство, таким образом, само разграничивает юридические факты по критерию их отношения к правовой оценке деяния - разграничение, которое доктрина проводит недостаточно последовательно.

Приведённые данные позволяют сформулировать первый обобщающий результат. Если условно принять за 100 % совокупность лиц, прошедших через судебную оценку по существу обвинения в 2024 г. (640,8 тыс.), то на долю правообразующих фактов, доведённых до логического завершения, приходится 80,0 %, на долю правопрекращающих нереабилитирующих - 18,5 %, на долю реабилитирующих - 0,3 %. Оставшаяся часть распределяется между применением принудительных мер медицинского характера и иными исходами. Соотношение 4:1 между возникновением и прекращением охранительного отношения - устойчивая характеристика российской правоприменительной системы, сохранявшаяся, впрочем, не всегда: в 2020 г. оно составляло примерно 3:1 (73,6 % против 25,1 %) [11].

5. Проверка модели на отраслевом материале

Трёхуровневая модель фактического основания проверялась на четырёх видах ответственности. Результаты проверки сведены в таблицу 3.

Таблица 3. Трёхуровневая структура фактического основания по видам юридической ответственности (авторская разработка)

Вид ответственности	Нормативно-фактическая предпосылка	Материальный факт	Процессуальный факт
Уголовная	Норма Особенной части УК РФ; возраст и вменяемость	Преступление (состав)	Обвинительный приговор, вступивший в силу
Административная	Норма КоАП РФ; правосубъектность, специальный статус	Административное правонарушение	Постановление о назначении наказания
Налоговая	Норма НК РФ; статус налогоплательщика	Налоговое правонарушение	Решение налогового органа о привлечении
Дисциплинарная (судьи)	Закон о статусе судей; статус судьи	Дисциплинарный проступок	Решение квалификационной коллегии судей
Гражданско-правовая	Норма ГК РФ; наличие обязательства	Нарушение обязательства, причинение вреда	Судебное решение либо добровольное исполнение

Дисциплинарная ответственность судьи представляет наиболее чистый случай трёхуровневого состава. И. В. Глазунова и А. В. Никитина показывают, что досрочное прекращение полномочий судьи является мерой юридической ответственности, а его фактическое основание образуют дисциплинарный проступок и решение квалификационной коллегии судей [3, с. 126–135]. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 в подпункте 13 пункта 1 статьи 14 прямо связывает прекращение полномочий с совершением проступка, «за который решением квалификационной коллегии судей на судью наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи» [17]. Норма сконструирована так, что материальный факт без процессуального акта последствий не влечёт - законодатель фактически воспроизводит предлагаемую трёхуровневую схему. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.2016 № 13 дополняет её требованием учитывать характер проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форму вины, степень нарушения прав граждан и организаций, а также данные о личности судьи [20]. Перечисленные обстоятельства образуют факультативные элементы состава, влияющие на выбор взыскания. А. Г. Дроздов и В. И. Кайнов, проследившая эволюцию института с дореволюционного периода, показывают, что обособление дисциплинарного проступка судьи от иных нарушений служебной дисциплины произошло именно через усложнение процедуры его констатации [10].

Административная ответственность даёт материал для иного вывода. Институт малозначительности, на который обращает внимание М. Х. Мазуказова, позволяет освободить лицо от ответственности при полном наличии состава

правонарушения [9, с. 402–404]. Малозначительность не входит в состав и не опровергает его; она представляет собой самостоятельный юридический факт оценочного характера, действующий на третьем уровне. Обзор судебной статистики выделяет административную ответственность юридических лиц и административное наказание в виде штрафа в отдельные разделы [11], однако агрегированный характер этих данных не позволил включить их в количественный анализ.

Спортивно-дисциплинарная практика, исследованная И. А. Васильевым, показывает пределы объективного вменения. Автор отмечает, что клубы отвечают за действия своих болельщиков независимо от наличия вины, и приходит к выводу о недопустимости чисто карательного эффекта санкции при отсутствии вины субъекта; необходим учёт превентивной и сдерживающей целей, без которых спортивная ответственность утрачивает признак определённости [4, с. 93–102]. Применительно к нашей модели это означает, что при устранении из состава субъективной стороны материальный факт вырождается в объективное условие, а вся конституирующая нагрузка переносится на процессуальный уровень. Такая конструкция функционирует, но перестаёт быть ответственностью в строгом смысле.

Налоговая сфера подтверждает необходимость первого уровня модели. В. М. Зарипов, рассматривая экономическое основание налога, доказывает, что за юридической конструкцией обязательного платежа стоит совокупность экономических предпосылок - добавленная стоимость, прибыль, чистый доход, природная рента [5, с. 54–63]. Аналогичным образом за составом налогового правонарушения стоит предпосылка в виде действительной налоговой обязанности: при

её отсутствии деяние не может рассматриваться как правонарушение, сколь бы формально ни нарушался порядок отчётности. Нормативно-фактическая предпосылка здесь имеет не только правовое, но и экономическое содержание.

Гражданско-правовая ответственность образует пограничный случай. Процессуальный уровень здесь факультативен: обязанность возместить убытки может исполняться добровольно, без судебного акта. Означает ли это опровержение модели? Скорее, уточнение: в частноправовой сфере функцию третьего уровня выполняет либо судебное решение, либо признание долга самим обязанным лицом. Общим остаётся требование персонификации обязанности - переход от абстрактной нормативной связи к конкретной, с определённым содержанием и определённым адресатом.

6. Сопоставление с позициями других авторов

Полученные результаты соотносятся с существующей литературой неоднозначно. С концепцией П. П. Серкова, рассматривающего правоотношение как непрерывно развивающееся явление [1], настоящее исследование совпадает в исходной посылке, но расходится в акцентах. Монография описывает механизм движения правоотношения преимущественно в философско-правовых категориях; Н. Н. Цуканов, оценивая эту работу, отметил её философско-правовую направленность и одновременно указал на перспективы дальнейшего научного и практического использования полученных выводов [2, с. 90–99]. Настоящая статья предлагает операционализировать этот механизм через измеримые показатели, что позволяет перевести дискуссию из плоскости концептуальных построений в плоскость проверяемых утверждений.

С позицией В. Б. Исакова о фактических составах [7, с. 455–476] предлагаемая модель совместима, но не тождественна ей. Классическая теория состава рассматривает все входящие в него элементы как однопорядковые, различающиеся лишь последовательностью накопления. Настоящее исследование настаивает на их качественной разнородности: нормативная предпосылка, материальный факт и процессуальный акт принадлежат разным слоям правовой реальности и выполняют несовпадающие функции. Накопление здесь не количественное, а качественное.

Расхождение с работой Н. А. Плахтия [6] касается роли случая. Автор рассматривает казус как явление, способное влиять на динамику правоотношений; в предлагаемой же модели случай действует исключительно на первом и втором уровнях, исключая либо материальный факт (при отсутствии вины), либо саму нормативную предпосылку (при отсутствии правосубъектности). На третьем уровне случайность невозможна: правоприменительный акт всегда является результатом волевого решения.

Отдельного обсуждения требует вопрос о по-

зитивной ответственности, разрабатываемый научной школой Тольяттинского государственного университета. Если признавать существование позитивной ответственности как обязанности соблюдать предписания, то её основанием оказывается сама норма, а не факт её нарушения. Предлагаемая модель этому не противоречит: первый уровень - нормативно-фактическая предпосылка - существует независимо от того, будет ли совершено правонарушение. Различие между позитивным и негативным аспектами в этой логике сводится к тому, реализуется ли механизм на одном уровне или проходит все три.

7. Альтернативные объяснения полученных данных

Наблюдаемый рост удельного веса осуждённых с 73,6 % в 2020 г. до 80,0 % в 2024 г. допускает по меньшей мере три интерпретации, и добросовестность исследования требует их перечисления.

Первое объяснение - качественное. Улучшилась работа органов предварительного расследования, в суд стало поступать меньше дел с недостаточной доказательственной базой, отсюда - сокращение прекращений. Косвенным подтверждением служит снижение числа дел, возвращённых прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ: 6,5 тыс. в 2024 г. против 7,1 тыс. в 2023 г. [11]. Однако доля возвращённых дел в общем массиве изменилась незначительно, что ослабляет данную версию.

Второе объяснение - структурное. Изменился состав поступающих дел: доля преступлений против собственности снизилась с 39,4 % в 2023 г. до 36,5 % в 2024 г., тогда как доля тяжких преступлений выросла с 21,8 % в 2020 г. до 26,8 % в 2024 г. [11]. По тяжким составам примирение и прекращение по нереабилитирующим основаниям применяются реже в силу прямых законодательных ограничений. Следовательно, сокращение прекращений может быть механическим следствием утяжеления структуры судимости, а не изменением правоприменительной политики.

Третье объяснение - процессуальное. Часть дел, ранее завершавшихся прекращением в суде, теперь прекращается на досудебной стадии либо вовсе не возбуждается. Проверить эту гипотезу по данным Судебного департамента невозможно: обзоры фиксируют только судебную стадию. Оценка потребовала бы привлечения показателей органов прокуратуры, которые за 12 месяцев 2024 г. зафиксировали 101,4 тыс. нарушений законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства против 81,7 тыс. в 2020 г. [13]. Рост на 24,1 % за пять лет свидетельствует скорее в пользу третьей версии, однако прямое сопоставление рядов методологически некорректно ввиду различия единиц учёта.

Автор склоняется ко второму объяснению как наиболее обеспеченному данными, но признаёт, что окончательный вывод требует отдельного ис-

следования с привлечением ведомственной статистики МВД России и Генеральной прокуратуры РФ. Для целей настоящей работы существенно иное: независимо от причин, соотношение правообразующих и правопрекращающих фактов в течение пяти лет изменилось на 6,4 процентных пункта, что подтверждает подвижность фактической основы ответственности и опровергает представление о ней как о неизменной величине.

8. Практическое значение результатов

Результаты исследования имеют выход в правотворческую и правоприменительную практику по трём направлениям.

Первое направление - юридическая техника. Разграничение трёх уровней фактического основания позволяет точнее конструировать нормы об освобождении от ответственности. Действующее законодательство смешивает обстоятельства, исключающие материальный факт (крайняя необходимость), с обстоятельствами, исключающими возможность вынесения правоприменительного акта (истечение сроков давности). Смешение порождает известные затруднения при решении вопроса о реабилитации: прекращение дела за истечением сроков давности формально не является реабилитирующим, хотя материальный факт при этом судом не устанавливался.

Второе направление - учёт и статистика. Существующие формы отчётности не позволяют выделить группу правоизменяющих фактов в чистом виде, поскольку смешивают обстоятельства, влияющие на квалификацию, и обстоятельства, влияющие на назначение наказания. Введение раздельного учёта дало бы материал для оценки эффективности институтов деятельного раскаяния и досудебного соглашения. Отмечу, что обзор за 2024 г. уже содержит зачатки такого подхода, отдельно выделяя лиц, в отношении которых приговоры отменены по обстоятельствам, не влияющим на оценку качества судебного акта [11].

Третье направление - квалификационная практика. При решении вопроса о дисциплинарной ответственности судьи модель позволяет разграничить обстоятельства, образующие проступок, и обстоятельства, влияющие на выбор взыскания, что прямо соответствует требованиям постановления Пленума Верховного Суда РФ № 13 [20] и позиции, изложенной И. В. Глазуновой и А. В. Никитиной [3, с. 126–135].

Заключение

Проведённый анализ доктринальных источников 2020–2025 гг. и судебной статистики за 2020, 2023 и 2024 гг. позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Фактическое основание правоотношения юридической ответственности имеет трёхуровневую структуру: нормативно-фактическая предпосылка, материальный факт правонарушения и процессуальный правоприменительный акт. Уровни качественно разнородны и выполняют несо-

впадающие функции - условия, повода и момента возникновения соответственно.

2. Процессуальный уровень выполняет конституирующую, а не удостоверяющую функцию. Подтверждением служит различие показателей оправдания в делах публичного и частного обвинения: при общем числе оправданных у мировых судей 0,6 тыс. лиц в 2024 г. на дела частного обвинения приходится 79,1 % оправдательных приговоров.

3. Соотношение правообразующих и правопрекращающих фактов за пятилетний период изменилось в пользу первых. Удельный вес осуждённых в общем числе лиц, по делам которых судебные акты вступили в законную силу, вырос с 73,6 % в 2020 г. до 80,0 % в 2024 г., тогда как доля прекращений по нереабилитирующим основаниям снизилась с 25,1 до 18,5 %.

4. Правопрекращающие факты сохраняют определяющее значение в сегменте мировой юстиции: производство по делам 63,1 тыс. лиц прекращено по нереабилитирующим основаниям, из них 44,1 тыс., или 70,0 %, - в связи с примирением с потерпевшим. Двусторонний волевой акт частных лиц выступает здесь основным способом прекращения публичного охранительного отношения.

5. Освобождение от наказания при сохранении осуждения (15,4 тыс. лиц, или 3,0 % в 2024 г. против 6,5 тыс., или 1,2 % в 2020 г.) и назначение судебного штрафа образуют конструкции, не описываемые дихотомией «возникновение - прекращение». Они представляют собой трансформацию охранительного отношения, требующую самостоятельной классификационной рубрики.

6. Нами выявлено, что модель работоспособна применительно к уголовной, административной, налоговой, дисциплинарной и - с оговоркой о факкультативности третьего уровня - гражданско-правовой ответственности. Наиболее чистое законодательное выражение трёхуровневая структура получила в подпункте 13 пункта 1 статьи 14 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», где материальный факт прямо поставлен в зависимость от решения квалификационной коллегии судей.

7. Проведённый анализ показал, что наблюдаемая динамика допускает несколько объяснений, из которых наиболее обеспечено данными структурное: доля тяжких преступлений в структуре судимости выросла с 21,8 % в 2020 г. до 26,8 % в 2024 г., что механически ограничивает применение институтов прекращения дела. Окончательная проверка требует привлечения ведомственной статистики досудебных стадий.

Практическое значение работы состоит в предложениях по разграничению обстоятельств, исключающих материальный факт, и обстоятельств, препятствующих вынесению правоприменительного акта, а также по введению раздельного статистического учёта правоизменяющих фактов.

Теоретическое значение заключается в переводе дискуссии об основаниях ответственности из плоскости концептуальных построений в плоскость проверяемых количественных утверждений.

Список литературы:

[1] Серков П. П. Правоотношение (теория и практика современного правового регулирования) : монография. - М. : Норма, 2023. - 1544 с.

[2] Цуканов Н. Н. Рецензия на монографию: Серков П. П. Правоотношение (теория и практика современного правового регулирования). М. : Норма, 2023. 1544 с. // Сибирское юридическое обозрение. - 2023. - Т. 20, № 1. - С. 90–99.

[3] Глазунова И. В., Никитина А. В. Досрочное прекращение полномочий судьи как мера юридической ответственности: проблемы правового регулирования и правоприменения // Правоприменение. - 2023. - Т. 7, № 4. - С. 126–135.

[4] Васильев И. А. Цели дисциплинарных санкций за поведение зрителей: спорная практика УЕФА // Правоприменение. - 2023. - Т. 7, № 1. - С. 93–102.

[5] Зарипов В. М. Экономическое основание налога: понятие и принцип // Правоприменение. - 2024. - Т. 8, № 1. - С. 54–63.

[6] Плахтий Н. А. Юридический факт и случай: соотносимость в правовых отношениях // Юридический вестник Самарского университета. - 2021. - Т. 7, № 3. URL: <https://journals.ssau.ru/jjsu/article/view/10046> (дата обращения: 24.08.2026).

[7] Исаков В. Б. Юридические факты // Теория государства и права : учебник для вузов. - 5-е изд., перераб. и доп. - М. : Юрайт, 2023. - Гл. 23. - С. 455–476.

[8] Юридическая ответственность и цифровизация: проблемы права и процесса : монография / Т. В. Летута, Т. В. Ефимцева, Е. В. Мищенко [и др.] ; под ред. Т. В. Летута ; Оренбургский государственный университет. - Оренбург : ОГУ, 2023. - 199 с.

[9] Мазукабзова М. Х. Правонарушение и юридическая ответственность // Молодой ученый. - 2024. - № 48 (547). - С. 402–404.

[10] Дроздов А. Г., Кайнов В. И. Дисциплинарная ответственность судей: история, теория, практика : монография. - М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. - 186 с.

[11] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году. - М. : Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, 2025. - 112 с.

[12] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 году. - М. : Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, 2024. - 116 с.

[13] Основные результаты прокурорской деятельности за 12 месяцев 2024 года : статистические данные Генеральной прокуратуры Рос-

сийской Федерации. - URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 24.08.2026).

[14] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

[15] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 1.

[16] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52 (ч. 1). - Ст. 4921.

[17] О статусе судей в Российской Федерации : Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. - 1992. - № 30. - Ст. 1792.

[18] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

[19] О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2013. - № 8.

[20] О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.2016 № 13 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2016. - № 6. - URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8485/> (дата обращения: 24.08.2026).

References:

[1] Serkov P. P. Legal Relation (Theory and Practice of Modern Legal Regulation): Monograph. - Moscow: Norma, 2023. - 1544 p.

[2] Tsukanov N. N. Review of the monograph: Serkov P. P. Legal Relation (Theory and Practice of Modern Legal Regulation). Moscow: Norma, 2023. 1544 p. // Siberian Law Review. - 2023. - Vol. 20, No. 1. - P. 90–99.

[3] Glazunova I. V., Nikitina A. V. Early termination of a judge's powers as a measure of legal liability: issues of legal regulation and law enforcement // Law Enforcement Review. - 2023. - Vol. 7, No. 4. - P. 126–135.

[4] Vasiliev I. A. Objectives of disciplinary sanctions for spectator behavior: controversial UEFA practice // Law Enforcement Review. - 2023. - Vol. 7, No. 1. - P. 93–102.

[5] Zaripov V. M. Economic basis of a tax: concept and principle // Law Enforcement Review. - 2024. - Vol. 8, No. 1. - P. 54–63.

[6] Plakhtiy N. A. Legal fact and chance event: correlation in legal relations // Legal Bulletin of Samara University. - 2021. - Vol. 7, No. 3. URL: <https://journals.ssau.ru/jjsu/article/view/10046> (accessed:

24.08.2026).

[7] Isakov V. B. Legal facts // Theory of State and Law: Textbook for Higher Education Institutions. - 5th ed., revised and supplemented. - Moscow : Yurayt, 2023. - Ch. 23. - P. 455–476.

[8] Legal Liability and Digitalization: Issues of Substantive and Procedural Law : monograph / T. V. Letuta, T. V. Efimtseva, E. V. Mishchenko [et al.] ; ed. by T. V. Letuta ; Orenburg State University. - Orenburg : OSU, 2023. - 199 p.

[9] Mazukabzova M. Kh. Legal Offense and Legal Liability // Molodoy Ucheny [Young Scientist]. - 2024. - No. 48 (547). - P. 402–404.

[10] Drozdov A. G., Kainov V. I. Disciplinary Liability of Judges: History, Theory, and Practice : monograph. - Moscow ; Berlin : Direct-Media, 2020. - 186 p.

[11] Overview of Judicial Statistics on the Activities of Federal Courts of General Jurisdiction and Justices of the Peace in 2024. - Moscow : Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, 2025. - 112 p.

[12] Overview of Judicial Statistics on the Activities of Federal Courts of General Jurisdiction and Justices of the Peace in 2023. - Moscow : Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, 2024. - 116 p.

[13] Key Results of Prosecutorial Activities for the 12 Months of 2024 : statistical data from the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. - URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (accessed: 24.08.2026). [14] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended in 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 25. - Art. 2954.

[15] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses No. 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended in 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 1 (Part 1). - Art. 1.

[16] Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended in 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2001. - No. 52 (Part I). - Art. 4921.

[17] On the Status of Judges in the Russian Federation: Law of the Russian Federation No. 3132-1 dated June 26, 1992 (as amended on July 10, 2023; with amendments dated November 27, 2023) // Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation. - 1992. - No. 30. - Art. 1792.

[18] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended in 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1994. - No. 32. - Art. 3301.

[19] On the Application by Courts of Legislation Governing the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 dated June 27, 2013 (as amended on November 29, 2016) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2013. - No. 8.

[20] On Judicial Practice Regarding the Application of Legislation Governing Issues of Disciplinary Liability of Judges: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 13 dated April 14, 2016 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2016. - No. 6. - URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8485/> (accessed: August 24, 2026).